

«...СВЕСТИ НАЧАЛА И КОНЦЫ...»: О СЕРГЕЕ АНТОНОВИЧЕ КЛЫЧКОВЕ

Вещь, как пишут, «веществуется», становится знаком, «элементом уже совсем иного пространства – не материально-вещественного, но идеально-духовного»¹. Приведем фрагмент описания комнаты С.А. Клычкова: «Между окон зеркальная полочка <...> Под полочкой портрет Пушкина. Над полочкой крест старообрядческий, медный»². Пушкин для Клычкова – «образец утешения, успокоения и надежды»³, крест – зримый символ его веры от рождения до гибели.

Клычков появился на свет в лесу у деревни Дубровки, что недалеко от Талдома Калязинского уезда Тверской губернии. Как вспоминал его брат А. Сечинский, деревня состояла из непримечательных домов, была окружена полями, болотом, рекой Куйменкой, за которой простиралась леса – «Чертухина, Потапихи, леса купца Землезы, леса Глебцево – купца Колыгина»⁴. В девяти километрах от Дубровок был казенный лес, за которым шла дорога к реке Дубне.

Дата рождения писателя до сих пор варьируется. В энциклопедических словарях указывается на 1 (13) июля и на 24 июня (6 июля) 1889 г., в неизданной автобиографии начала 1930-х годов Клычков назвал две даты – 9 или 11 июля, однако по данным сотрудников музея Клычкова в Дубровках он родился 5 (17) июля. Кроме того, в словарях ошибочно утверждается, что его настоящая фамилия – Лешенков. Дубровки были населены Клычковыми и Каблуковыми. В документах писателя досоветского и советского времени указана фамилия «Клычков». Лешенков – псевдоним, в Дубровках были приняты прозвища «Лешенковы» и «Сечинские», если изба была на сече, на вырубке⁵. Однако в автобиографии писателя 1926 г. говорится о том, что Лешенков – фамилия отца, Клычков – бабушки. Мистификация, очевидно, была вызвана желанием оградить семью от притеснений, поскольку к тому времени Клычкова считали реакционером.

О деде писателя по отцовской линии, Никите Родионовиче, известно, что он не вернулся с богомолья. Отец, Антон Никитич, с девяти лет был отдан в обучение сапожному делу. По воспоминаниям сына писателя, ученого-лингвиста, профессора Г.С. Клычкова, он выделялся ему «огромным и страшноватым, так как говорил все время о

¹ Топоров В.Н. Вещь в антропоцентрической перспективе // *Auquinox*. М., 1993. С. 70.

² Яр-Кравченко А.Н. Записи о Н.А. Клюеве // Николай Клюев: Воспоминания современников / Вступ. ст. Л.А. Киселевой, сост. П.Е. Поберезкина. М.: Прогресс-Плеяда, 2010. С. 432.

³ Ответ С. Клычкова на анкету // Книга о книгах. 1924. № 5/6. С. 18.

⁴ ОР ИМЛИ, ф. 67, оп. 2, № 1, л. 9.

⁵ С 1919 г. фамилия родителей писателя – Клычковы-Сечинские.

Судном дне и конце света»⁶. Мать писателя – сказочница Фекла Алексеевна, в девичестве Кузнецова, из семьи потомственных кузнецов. Бабушку писателя по материнской линии звали Устиньей, она была известной песенницей. Феклуша и Устинька – персонажи прозы Клычкова. Сестра Устиньи до революции была монахиней. Поэтическое воображение Клычкова развивалось во многом под влиянием его бабушки Авдотьи по отцовской линии.

Талдомская земля – известный башмачный край. Большая часть населения Калязинского уезда «занималась исстари башмачным промыслом, а крестьянское хозяйство у каждого башмачника стояло на втором месте», с началом войны и оттоком башмачников на фронт этот промысел еще более поднялся, поскольку «спрос на обувь был большой, а рабочих рук не хватало»⁷. Семья Клычковых была крестьянской, но занималась и кустарным промыслом, развивала сапожное дело. У Клычкова есть такие строки: «У нас в округе все подряд, / Зубами расправляя кожу, / Цветные туфли мастерят / Для легких и лукавых ножек...»⁸. Благодаря предпринимательству появился относительный достаток, Антон Никитич выстроил большой каменный дом. Сегодня он имеет для нас исключительное значение – в нем гостили и С. Есенин, и С. Конёнков, и М. Пришвин.

В Дубровках было пять старообрядческих семей. Клычковы – из поповских старообрядцев австрийского толка⁹. По воспоминаниям В.Н. Горбачевой, второй супруги Сергея Антоновича, Антон Никитич в советское время и по Библии пророчествовал, и носил старообрядческую поддевку.

После трехлетнего обучения в земской школе Клычков в 1900 г. поступил в московское реальное училище И.И. Фидлера, закончил его в 1907 г. и в 1908 г. был принят на естественный факультет Московского университета, сразу перевелся на историко-филологический, в 1910 г. – на юридический. Денег для оплаты обучения не хватало, его не раз отчисляли, в мае 1913 г. он был окончательно исключен из университета. Есть сведения, что Клычков посещал лекции в Московском народном университете А.Л. Шанявского; там же на историко-философском отделении с 1913 г. обучался С. Есенин.

В 1900-е годы произошло несколько знаменательных для него встреч. Например, с С.Т. Конёнковым. В 1905 г. Клычков участвовал в декабрьском восстании в составе его

⁶ http://knigolubu.ru/russian_classic/klichkov_sa/georgiy...

⁷ Романов И. Из жизни кустарного края (1914–1924 гг.) // Башмачная страна. Ленинск: Изд-е временного бюро краеведения, 1927. № 2. С. 10, 8.

⁸ Здесь и далее произведения С.А. Клычкова цитируются по данному изданию.

⁹ При Алексее Михайловиче, Софье, Петре Первом старообрядцы обосновались в Молдавии, в 1777 г. территория их расселения стала частью Буковины и отошла к Австрии. Им была предоставлена свобода вероисповедания, раскольничьи общины разрастались, австрийские епархии появились и в России.

дружины. В фойе Художественного театра он познакомился с М.И. Чайковским и в его лице нашел покровителя. Известно, что он не раз гостил в клинском доме Чайковского, что в 1908 г. Модест Ильич повез его в Италию. Чайковский покинул Италию раньше своего подопечного, о чем мы судим по письму, в котором тот рассказывал ему о путешествии («Три дня лил дождь без остановок. Теперь только прояснилось, и мы съездили уже в Помпею и теперь собираемся на Капри!»), сообщал о том, что в дождь его сапоги «размокли» – пришлось купить новые, и просил прислать денег на дорогу «до востребования на Александра Николаевича, ибо у него есть паспорт»¹⁰. Александр Николаевич – художник Златовратский, сын известного «мужицкого беллетриста» Н.Н. Златовратского. По Италии Клычков путешествовал с Н.Н. и А.Н. Златовратскими. Знакомство с А.Н. Златовратским состоялось, возможно, не без участия Конёнкова, у которого тот обучался мастерству. В Италии была еще одна интересная встреча – с А. Горьким.

В университет Клычков поступил, имея начальный писательский опыт. В 1906 г. его стихи появились в журнале Московского университета «На распутье», в следующем году были публикации в московских альманахах и журналах. Так, в альманахе «Белый камень» (1907) напечатали его рассказ «Красные Крылья», в котором обозначились специфичные черты его зрелой стихоподобной прозы. В 1909 г. поэт познакомился с Эллисом и посещал собрания поэтов в мастерской скульптора К.Ф. Крахта, он сблизился с С.М. Соловьевым¹¹, общался с А.М. Кожебаткиным – создателем издательства «Альциона» (1910) и секретарем издательства «Мусагет» (1911–1912), а также с В.Ф. Ахрамовичем – поэтом, переводчиком, корректором (1911) и затем секретарем «Мусагета» (1912–1913). Таким образом, начинающий поэт оказался в символистской среде. Приведем строки из мемуаров П. Зайцева, занимавшегося в стиховедческой студии «Мусагета». Речь идет о литературном вечере, состоявшемся в издательстве в 1912 г.: «Здесь была чистая, избранная, даже рафинированная публика: смесь из представителей новой поэзии, нового искусства и представителей московской буржуазной интеллигенции тех лет. Народ был представлен двумя молодыми поэтами из народа: Сергеем Клычковым и мною...»¹².

В 1911 г. в «Антологии», изданной «Мусагетом», было напечатано семь стихотворений Клыčkова, в 1910 г. (на т.л. 1911) «Альциона» при финансовой помощи

¹⁰ Архив музея П.И. Чайковского в Клину, ф. 2, Б-10, ед. хр. 2739.

¹¹ О символистских чертах ранней поэзии С. Клыčkова, близости ее образов и образов лирики С. Соловьева см.: Демиденко Е.А. Лирический герой в поэзии С.А. Клыčkова: Эволюция, художественная специфика. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2013.

¹² Зайцев П.Н. Воспоминания / Вступ. ст. Дж. Малмстада, М.Л. Спивак; сост., примеч. М.Л. Спивак. М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 198.

Чайковского издала первую книгу Клычкова «Песни. Печаль-Радость. – Лада.– Бова»; в 1913-м она же выпустила следующую книгу «Потаенный сад» (второе издание – 1918). Поэт с признательностью называл «Альциону» кумой.

На книги отозвались В. Брюсов, М. Волошин, С. Городецкий, Н. Гумилев, Г. Иванов, С. Кречетов, В. Львов-Рогачевский, В. Полонский, В. Смельский, Л. Столица и др. В целом ранняя поэзия Клычкова была воспринята как пример кантиленной непринужденной лирики. Однако Гумилев увидел в «Песнях» лишь «славянскую Аркадию с неизменными Ладами и Лелями»¹³, отмеченное им влияние К. Бальмонта и С. Городецкого усиливало скептическую тональность рецензии. К тому времени Бальмонт издал ориентированные на славянскую фольклорную традицию и не ставшие яркими явлениями сборники «Жар-птица. Свирель славянина» (1907), «Зеленый вертоград. Слова поцелуйные» (1909). В 1906 г. появилась первая книга Городецкого «Ярь», хорошо принятая и небезуспешно сочетавшая символистскую поэтику с национальной почвой, однако обращенная к теме народной России книга «Русь» (1909, на т.л. 1910) была расценена как неудачная, и Гумилев читал ее с чувством «неловкости»¹⁴. Впрочем, Гумилев проявил благосклонность, рецензируя упомянутую выше «Антологию»: «Сергей Клычков сделал успехи со времени выхода своей книги. Хорош его “Пастух”, слышен морской запах в его “Рыбачке”»¹⁵, и в изданном «Аполлоном» «Литературном альманахе» (1911), состав которого определял Гумилев, появилось стихотворение Клычкова «Бова на рассвете».

Лирику Клычкова непременно соотносили с народными песнями. У Гумилева были свои представления о поэтизации народной культуры, что видно по тому, с какой радостью он принял ранние стихи Н. Клюева, столь отличные от клычковских. Гумилев, создатель «Цеха поэтов» и акмеистской эстетики, в стихах Клюева увидел рождение новой художественности и привел его в «Цех», а Клычков, в свою очередь, неліцеприятно отозвался об этом объединении. Гумилеву импонировала глубоко религиозная тема Клюева, Клычков был в ней сдержан. В лирике Клюева Гумилеву нравилось «византийское сознание золотой иерархичности при мысли о Боге», в «Песнях» ему не хватило «перекрещения» культур, в котором «рождалась Русь»¹⁶, и среди них – византийской. Клюев, в свою очередь, в письме к А. Блоку от 1913 г. (после 19 ноября)

¹³ Гумилев Н. Письма о русской поэзии // Гумилев Н. Собр. соч.: В 3 т. / Подгот. текста, примеч. Р.Д. Тищенко. М.: Худож. литература, 1991. Т. 3. С. 77.

¹⁴ Там же. С. 42.

¹⁵ Там же. С. 85.

¹⁶ Там же. С. 94, 77.

интересовался его мнением о книге «Потаенный сад»: «<...> мне важно услышать от Вас <...>»¹⁷.

Если Г. Иванов обозвал «Ярь» «мнимо» народной «литературной поделкой», то ему было «досадно и грустно», что лирика Клычкова отмечена модернизмом, что поэт приносит себя в жертву модернизму, что под его стихами могли бы поставить подписи В. Брюсов, С. Соловьев, Эллис¹⁸. Но в первых книгах Клычкова уже обозначился диалог символистского, фольклорного, классического стилей, в них выплавлялся не угаданный критиками крестьянский модернизм, который не укладывается ни в фольклорную, ни в символистскую, ни в акмеистскую парадигму. Кроме того, в этих книгах мы видим начало художественного сознания, которое впоследствии переросло в магический реализм. Клычков не делил мир на ирреальный и отражающий его реальный, в обыденном видел магическое. По воспоминаниям А. Сечинского, гостивший в Дубровках Конёнков принес из леса корень, «мастерски обрезал, кое-где оскоблил», получилось нечто похожее на «странника, старца с сумой», и родился образ: «Идет колдун в онучах, / В онучах, серых тучах»¹⁹. Леший Клычкова – не дань литературному мистицизму, но образ видимой природы. В строфе «А в тумане над лугами / Сбилось стадо в кучу, / И бычок бодает тучу / Красными рогами» есть рецепция традиционного в фольклоре уподобления туч стадам, но прежде всего здесь и пейзаж, и пластика – поэтизация знакомого поэту по Дубровкам природного состояния. Тихий инок над лугом – непогода в ее привычном для Клычкова антропоморфном проявлении, но не символ ноумена.

Посещая литературные салоны и сообщества 1910-х годов («Молодой Мусaget» у Крахта, «Золотую гроздь» Л. Столицы и др.), он существовал в литературе вне групп, и даже основанная в 1915 г. Городецким ради актуализации народной эстетики «Краса» никак не сказала на его творческой биографии (он уже был призван в армию). В 1913 г. он устроился сотрудником в ряд журналов, эстетически и в общественном отношении друг другу не созвучных. Поиск своего пути – тема стихотворения «Образ Троеручицы» (<1910>). Эта икона, распространенная среди талдомских старообрядцев, была в доме

¹⁷ Николай Клюев: Письма к Александру Блоку: 1907–1915 / Вступ. ст., примеч., подгот. текстов К.М. Азадовского. М.: Прогресс-Плеяда, 2003. С. 278. У Блока были обе книги Клычкова. Он был сдержан в оценках, полагал, что Клычкову «поется легко», но не видел в его лирике «насущенного» (из письма Блока к Клычкову от 28 февраля 1914 г. *Блок А. Собр. соч.*: В 8 т. / Общ. ред. В.Н. Орлова, А.А. Суркова, К.И. Чуковского. М.–Л.: Гослитиздат, 1960–1963 Т. 8. С. 434). О биографических и творческих связях Блока и Клычкова см.: *Хлебянкина Т.* А Блок и С. Клычков («Я, как ты, дитя дубрав...») // *Шахматовский вестник*. № 12. М.: ИМЛИ РАН, 2011. С. 389–398.

¹⁸ *Иванов Г.* Черноземные голоса // *Иванов Г. Собр. соч.*: В 3 т. / Сост., подгот. текста Е.В. Витковского, В.П. Крейда; коммент. В.П. Крейда, Г.И. Мосешвили. М.: Согласие, 1994. Т. 3. С. 488, 483.

¹⁹ ОР ИМЛИ, ф. 67, оп. 2, № 1а, л. 18.

Клычковых²⁰. Доверительные отношения сложились с Б. Садовским, поначалу поэтом символистского круга, из письма Клычкова к нему от 2 апреля 1912 г. мы можем судить о стилевых предпочтениях. Он достаточно критично высказывался об избыточной образности стихов Столицы, принципиально не шел за Клюевым вопреки совету Ахрамовича.

Садовскому Клычков в 1912 г. писал о личных и семейных невзгодах («В нынешний год Касьян поглядел на меня в щелку»²¹). Из письма того же года к университетскому другу П.А. Журову видно, что его преследовали мрачные предчувствия судьбы своей и крестьянского мира. Нарастающая тревога подавлялась охотой на тетеревов, лесными прогулками, красотой сада. С духовными исканиями связано паломничество в Николо-Пешношский монастырь под Дмитровом, осуществленное вместе с Г. Забежинским, поэтом и переводчиком, участником собраний у Крахта. В том же году он вместе с Журовым путешествовал к Светлояру²². Ранее, в 1910 г., они совершили пешее путешествие по Волге от Савелова до Клина.

В 1914 г. Клычков был мобилизован в действующую армию. 14 сентября 1914 г. в «Биржевых ведомостях» была опубликована посвященная ему статья Городецкого «Воин-поэт», в которой, в частности, сообщалось о том, что песни Клычкова поют солдаты. В течение всех военных лет его стихи появлялись на страницах периодики.

Он служил в Гельсингфорсе в Абосских казармах, после учебы в школе прапорщиков получил звание прапорщика. Во второй половине 1916 г. его перевели на Западный фронт в четвертый осадный артиллерийский полк. Его жизнь не раз подвергалась смертельной опасности. В 1917 г. полк был дислоцирован в Балаклавскую бухту. Война, конечно, изменила мироощущение поэта. Ранее были предчувствия обреченности, ранее было ощущение бытия сквозь «магический кристалл» литературы, теперь отношения человека и рока стали действительными. 1 января 1917 г. Клычков описал Журову, как разрушалась в его сознании прежняя картина мира: «Боязливо озираясь теперь на свою безвозвратную юность, я многое не понимаю сам в ней, не понимаю теперь бывшей душевной легкости, беспечности сердечной, не слышу аромата

²⁰ В стихотворении «Вся в тумане, в дремоте околица...» (1914) говорится о молящейся «матушке», вторая строфа начинается строкой: «Смотрит в очи ей лик Троиручицы».

²¹ РГАЛИ, ф. 464, оп. 1, ед.хр. 69.

²² Вспоминая о путешествии, Клычков писал Журову в 1913 г.: «<...> родня мы с тобой, сродники, из одного источника течет в нас горячая, цыганская кровь, с одного хмеля беспорядок в голове и сладкий туман... в сердце!» (Сергей Клычков: Переписка, сочинения, материалы к биографии / Публ., сост. Н.В. Клычковой; вступ. ст., коммент. С.И. Субботина // Новый мир. 1989. № 9. С. 197). Журов – автор статьи 1925 г. о творчестве Клычкова «Лесная тропа» (не опубликована, хранится в РГАЛИ, ф. 2862, оп. 1, ед.хр. 9). В 1928 г. на заседании комиссии по изучению творчества Блока он выступил с докладом «Клычков и Блок», в котором отнес творчество Клычкова к символистской школе, развил тему влияния Блока на его поэзию. Сохранились тезисы (РГАЛИ, ф. 2862, оп. 1, ед. хр. 5, 6).

лучших цветов из ее прекрасного венка. Может, это только так, временно? Милый друг, я понимаю, что все с начала до конца было ошибкой, самообольщением, невольным обманом самого себя перед строгим и бесстрастным лицом жизни, уходом от реальной правды, но если вернуть реки вспять, я не хотел бы иного!»²³.

Из состояния бессилия перед мерзостями войны, из чувства тотального одиночества его вывела женщина. Невероятно красивая. Ее звали Евгения Александровна. Она была из семьи купцов Лобовых. Они познакомились еще в нежном возрасте. В доме Лобовых Клычков снимал комнату, когда учился у Фидлера. Тогда же пришла первая влюбленность. Евгения Александровна вспоминала: «<...> нам было тогда по 12 лет», «мы вместе проводили время, очень дружили и по-детски любили», но в 1908 г. она вышла замуж – «по молодости и по глупости», «почти не любя»²⁴. О потрясении Клычкова от ее замужества говорит желание уйти из жизни. Возможно, в крестьянском юноше, физически и душевно здоровом, из старообрядческой семьи, такой кошмар вызрел благодаря рефлексивной атмосфере, которой дышали поэты и поэзия. Подобный случай был и с другим поэтом из крестьян: семнадцатилетний Есенин, остро реагируя на пересуды по поводу своих отношений с М. Бальзамовой, выпил эссенцию. Чайковский, открывший Клычкову мир, появился в его жизни очень вовремя. Скорее всего, связь влюбленных продолжалась; известно, что после какой-то их встречи муж вызвал влюбленного поэта на дуэль (которая не состоялась). В 1916 г. Евгения Александровна получила от Клычкова прощальное письмо – предстоял десант, безусловно обрекавший всех на гибель. В 1917 г. она стала вдовой, и Клычков, выхлопотав отпуск, приехал к ней в Алупку. Война обесмыслила его существование, чувство к Евгении Александровне в корне изменило его душевное состояние, о чем говорит содержание его письма к Журову от 23 февраля 1917 г.: «Сижу сейчас на террасе в Крыму в Алупке, знойно внизу поет петух. Веет ветерок с моря <...> я говорю: здравствуй, жизнь, здравствуй, солнышко, весна-красна, – так как никогда еще мне так не хотелось жить, как теперь, после того, как не раз уже заглядывалась на меня злая тетка Смерть, выбирая меня из тысячи, чтобы навсегда замуровать в черный склеп, в тяжелый сосновый гроб, уложить спать тяжелым сном в широкой братской могиле. Так-то, милый дружок! Смерть, дорогой, лихая штука, но и столь же скучная, потому что страшная и безобразная, а жизнь – прекрасна и ясна! <...> вот уже третий год душа в немоте, в тревоге, не потому, что умереть страшно, не потому: потому только, что жить необходимо до зарезу, потому только, что жизнь

²³ Журов П.А. Две встречи с молодым Клычковым // Русская литература. 1971, № 2. С. 154.

²⁴ РГАЛИ, ф. 2862, оп.1, ед. хр. 38, л. 1.

баснословно хороша!»²⁵. В связи с отречением государя от престола Клычков возвратился в Балаклаву, и Евгения Александровна последовала за ним.

В марте 1917 г. поэт оказался в Москве, потом в Петрограде, романтически воспринимает революционные события, но, возвратившись в Балаклаву, попадает в стихию ненависти; по воспоминаниям Е.А. Лобовой, «офицеров топили в море, убивали где придется»²⁶. Если война сделала из Клыčkова пацифиста, и всякое убийство он понимал теперь как разрушение общей, космической, гармонии, то именно балаклавские расправы и митинги, скорее всего, побудили его занять еще и позицию неучастия. Например, он прошел мимо «скифской» жажды стихийной и религиозно окрашенной революции, которая вдохновляла других поэтов из крестьян – С. Есенина, Н. Клюева, П. Орешина, А. Ганина, участников знаменитого альманаха «Скифы» (1917, 1918). Дальнейшую судьбу он больше не связывал с армией, решил, что жизнь измеряется творчеством и личным счастьем. Он и Евгения Александровна возвратились в Москву. В начале 1918 г. года они обвенчались в храме на Покровке. Шафером был Конёнков.

Осенью Клычков поступил на работу в канцелярию Пролеткульта, который заселился в неомавританский особняк купцов Морозовых, что на Воздвиженке. Причем там же Клычков какое-то время жил, деля комнату с Есениным. Есенин, «по-скифски» веря в природную, ураганную суть революционных перемен, той же осенью написал: «<...> и прав поэт, истинно прекрасный народный поэт, Сергей Клычков, говорящий нам, что

Уж несется предзорная конница,
Утонувши в тумане по грудь,
И березки прощаются, клонятся,
Словно в дальний собралися путь»²⁷.

Клычков надеялся, что Октябрьская революция изменит качество жизни крестьян. Он соавтор кантаты (написана совместно с С. Есениным и М. Герасимовым, музыка И. Шведова), которую 7 ноября на Красной площади при открытии мемориальной доски «Павшим в борьбе за мир и братство народов» исполнил хор студийцев Пролеткульта. Но все же стихотворение «На чужбине, далёко от родины...», из которого взяты эти строки, появилось в 1914 г., в нем выражена ностальгия поэта по дому, кусту смородины, осоке, в которой живут русалки, всему, от чего он был отлучен войной, и «предзорная конница»

²⁵ РГАЛИ, ф. 2862, оп. 1, ед. хр. 39.

²⁶ РГАЛИ, ф. 2862, оп. 1, ед. хр. 38, л. 1.

²⁷ Сергей Есенин в стихах и жизни. Поэмы 1912–1925. Проза 1915–1925 / Сост, общ. ред. Н.И. Шубниковой-Гусевой; примеч. С.П. Митрофановой-Есениной, С.И. Субботина, Н.И. Шубниковой-Гусевой. М.: Республика, 1995. С. 275.

скорее выражает ощущение целостности природного мира, но не предчувствие планетарного сдвига.

Клычков активен в литературной жизни. Он участвует – вместе с С. Есениным, А. Белым, П. Орешиним, Л. Повицким – в создании издательства «Московская трудовая артель художников слова». Он – вместе с С. Есениным, С. Конёнковым, П. Орешиним – составляет заявление в Пролеткульт об организации в нем крестьянской секции. Клычков – как написал Городецкий, «Лентяй, красавец и певун!» («Сергею Клычкову», 1912 – 1913)²⁸ – яркий человек, заметный даже внешне. По словам его дочери Евгении Сергеевны, «он был очень высокий, с черными густыми волосами, чуть волнистыми. Лицо умное, одухотворенное, и синие-синие глаза»²⁹. Как писал его сын Георгий Сергеевич, он «был высок, худ, синеглаз, носил длинные волосы, охотно и хорошо пел, говорил окая, стихи и прозу свою читал нараспев, как песни или сказ»³⁰. Клычков участвует в поэтических вечерах, печатается в периодике, в 1918 г. издана его поэтическая книга «Дубравна», он осуществляет второе издание «Потаенного сада», появляется поэтический сборник «Бова», в 1919 г. выходит его книга «Кольцо Лады». Все складывалось как нельзя лучше.

Но существовать только в литературе не получалось. В 1919 г. он вместе с супругой едет в Крым – и начинается череда новых испытаний: чудом он избегает расстрела у махновцев, белые приговаривают его к казни, настоящая нужда, крымский ужас, известный нам по «Солнцу мертвых» (1923) И.С. Шмелёва. В 1921 г. они возвращаются в Москву. Казалось, жизнь вновь налаживается. С 1922 г. он – литературный секретарь отдела прозы в журнале «Красная новь», возглавляемом А. Воронским. Он выполняет редакторскую работу в издательстве «Круг», которым также руководит Воронский. Благодаря А.В. Луначарскому получает комнату (пусть маленькую, по отзыву Городецкого – голубятню) в правом флигеле Дома Герцена, известного по роману М. Булгакову как Дом Грибоедова. В 1923 г. появляется на свет дочь («Не знаешь сам, когда же зыбку / Любовь подвесила в углу»), и это наполняет его жизнь подлинным смыслом. В том же году изданы его книги «Гость чудесный», «Домашние песни».

Клычков, как Есенин и Клюев, обогатил литературу новыми метафорами и тропеическими полотнами, порожденными сознанием человека из природного мира. При этом в его образности есть мера, отличающая классическую поэзию. Рецепция модернистского опыта поэзии Серебряного века по-прежнему очевидна, но угасала та

²⁸ *Городецкий С.* Цветущий посох. Пг.: Грядущий день, 1914. С. 111.

²⁹ http://klischkov.moy.su/publ/chto_pomnju_ob_otce/1-1...193

³⁰ http://knigolubu.ru/russian_classic/klichkov_sa/georgiy...

модернистская тенденциозность, которую не хотел видеть в его стихах Г. Иванов. Его лирический герой не амбициозен, не искушаем апостольским предназначением. Он не теург и не строитель социализма. Просты и представления о счастье: «Мне лишь бы петь да жить, любя и веря». Лирическое пространство узнаваемо, даже конкретно: «Вербя шапку ниже клонит, / За прясло́ выходит ель. / За рекой к вечерне звонят, / За рекой поет свирель». Но это мир, в котором есть «отблеск зарничной ресницы», у порога в тумане «рдеет тонкая ладья», потому и ощущение себя двойственное: «Тяжела, тяжела ты, моя власяница, / И легки вы, два белых крыла!»

В «Магии слов» (1910) А. Белый, по сути, высказал свою приверженность идеалистическому вербализму: слово все может, познание вытекает из слова, образное слово выражает «невыразимое впечатление», «сама живая речь есть непрерывная магия»³¹, через слово поэт проникает в сущности мира. Клычков этого не утверждал, но его жизнь пронизана вопросом о магических потенциях слова. И тем более может ли слово описать магию реальности, которая предстает со всей очевидностью, особенно с появлением луны – она садится в головах, гладит его волосы, а он не может найти слов, чтобы передать свое состояние, чтобы описать гостью: «Быть может, я проснусь: тут рядом / Лежал листок и карандаш, / Да много ли расскажешь взглядом / И много ль словом передашь?» Или все-таки «спутаются с листьями слова?»

Есенин в «Ключах Марии» (1918) развил мысль об органическом образе. Поэзия Клычкова этих и последующих лет насквозь органична. Искусность авангардистского образотворчества, пусть остроумного и, конечно, также чрезвычайно развившего русскую поэзию, ему претила. 30 октября 1922 г. в московском литературно-художественном еженедельнике «Новости» появилась статья Клычкова «Утверждение простоты», с изменениями перепечатанная «Красной новью» (1923. № 5) как «Лысая гора». Обе публикации сопровождалась редакционной пометкой «в дискуссионном порядке». Поэт вступил в полемику с Н. Асеевым – автором появившихся в «Красной нови» (1922. № 3) «Писем о русской поэзии», посвященных книге Б. Пастернака «Сестра моя жизнь» (1922).

По Асееву, истинная поэзия отличается техническими возможностями, формальной логичностью, выразительностью, пусть даже трудной для усвоения. Экспрессивной выразительности футуристского и имажинистского языка, «стихам для сверхзнатоков» Клычков противопоставил меру, пропорцию, искренность, простоту (не «простоватость»), высказался против творчества как «статистики и регистра более или менее удачных методов, подходов, приемов и ухищрений, подчас забавных и остроумных, но больше

³¹Белый А. Символ как миропонимание / Сост., вступ. ст., примеч. Л.А. Сугай. М.: Республика, 1994. С. 131, 132.

грустных и безнадежных», оборачивающихся «нарочитой бессмыслицей»³². В статье о Пастернаке Асеев высказался против стилевого русофильства и идеалистической философии, а в другой статье 1922 г. иронизировал по поводу «церковно-славянского, великопостного» поэтического словаря, по поводу «чисто пастушеской, орнаментальной, идиллически-углубленной»³³ поэзии Клычкова, Есенина, Клюева. Автор «Лысой горы», в свою очередь, авангардистской поэтике Пастернака противопоставил его же строки «Я от тебя не утаю: / Ты прячешь губы в снег жасмина, / Я чую на моих тот снег, / Он тает на моих во сне. // Куда мне радость деть мою?»³⁴. Полемика Асеева и выступившего против «алгебры и геометрии»³⁵ стиха Клычкова соотносится с полемикой создателя науки стихотворчества Гумилёва («Анатомия стихотворения», 1921) и Блока (««Без божества, без вдохновенья» (Цех акмеистов)», (1921).

С 1919 г. за поэтами из крестьян (Клычковым, Есениным, Клюевым, Карповым, Орешиним, Ганиным, Ширеевцем, Приблудным) закрепилось определение «новокрестьянские». Революция их вдохновила, но они только попутчики революции. В «Лысой горе» говорилось о «шкурнической спайке»³⁶ литературных группировок. В действительности эта спайка была не только эстетического, но и идеологического характера. В лучшем случае их творчество игнорировалось. В. Брюсов, указав на некоторую оригинальность тем в поэзии Клычкова, Клюева, Орешина, Карпова и упрекнув Есенина за жалобы на гибель старой деревни, писал, что крестьянская поэзия несамостоятельна по форме и является перепевом поэзии И. Никитина и А. Кольцова («Вчера, сегодня и завтра русской поэзии», 1922). Однако отметим, что в 1922 г. Клюев высказал мысль, характеризующую, на наш взгляд, отношение всех новокрестьян к деревне: «Кольцов – тот же Васнецов: пастушок играет на свирели, красна девка идет за

³² Клычков С. Собр. соч.: В 2 т. / Вступ. ст. Н. Солнцевой; сост., коммент. М. Никё, Н. Солнцевой, С. Субботина при участии Г. Маквея. М.: Эллис Лак, 2000. Т. 2. С.479, 478, 476, 477. «“Лысую гору” можно читать и как автокомментарий к поэзии самого Клычкова, в которой отсутствует “эрудиция в форме”, и к его (будущей) прозе, которая великолепно осуществит то “литургическое слияние духовного и плотского в слове”, к которому призывал Клычков». См. комментарии Никё М. // Там же. С. 564.

³³ Асеев Н. Избяной обоз: О «пастушеском» течении в поэзии наших дней // Печать и революция. 1922. № 5. С. 38, 39.

³⁴ Пастернак Б. Наша гроза // Пастернак Б. Избранное: В 2 т. / Вступ. ст. Д.С. Лихачева; сост., коммент. Е.В. Пастернак, Е.Б. Пастернака. М.: Худож. литература, 1985. Т. 1. С. 91.

³⁵ Клычков С. Лысая гора. С. 477. Вслед за Э. Паундом русские имажинисты выдвинули математический критерий в поэзии. Например, В. Шершеневич в « $2x^2=5$. Листы имажиниста» (1920) писал: «Поэты символического лагеря, следуя логике идеи символа, всячески приветствовали многообразие пониманий художественного произведения, отвергая право автора на единое правильное толкование. Так как каждое художественное произведение есть только схема материалов, то формула $a + b$, где “a” и “b” – материалы, придавали значение x , т.е. $a + b = x$. Но это, конечно, не верно, так как поэт – это точный математик и только он знает точное значение a и b (конечно, левая часть формулы может быть увеличена и приведена к виду $a + b + c + d + e \dots$). X всегда равен понятию красоты, красота же есть равновесие материалов». Поэты-имажинисты / Сост., примеч. Э.М. Шнейдермана. СПб.: Пб. писатель; М.: Аграф, 1997. С. 21 – 22.

³⁶ Клычков С. Собр. соч.: В 2 т. / Вступ. ст. Н. Солнцевой; сост., коммент. М. Никё, Н. Солнцевой, С. Субботина при участии Г. Маквея. М.: Эллис Лак, 2000. Т. 2. С. 476.

водой, мужик весело ладит борону и соху; хотя от века для земледельца земля была страшным Дагоном <...> Кольцов поверил в крепостную культуру и закрепил в своих песнях не подлинно народное, а то, что подсказала ему усадьба добрых господ, для которых не было народа, а были поселяне и мужички»³⁷. В худшем случае их выдавливали из литературы и из нового социума. Асеев писал: «Сергей Клычков из пахаря превращается в символиста соловьевского оттенка»³⁸, а проповедующая «мистицизм искусства» поэзия новокрестьян вышла из «бело-блоковского символизма»³⁹. В 1922 г. отнести писателя к символизму означало приговорить к остракизму. Они стали отверженными. Заместитель заведующего агитпропом ЦК партии Я.А. Яковлев в адресованной Сталину справке от 3 июля 1922 г. перечислял основные литературные группы, политически близкие власти, среди них – пролетарские писатели, «серапионы», футуристы, имажинисты и другие⁴⁰, но нет новокрестьянских поэтов. В резолюции ЦК РКП(б) 1925 г. приветствовались только те крестьянские писатели, которые продвигались по «рельсам пролетарской идеологии»⁴¹. В 1925 г. на февральском литературном совещании в ЦК Н. Бухарин говорил о необходимой идеологической переработке крестьян и попутчиков, причем иных попутчиков следовало изгнать, иных черносотенцев уничтожать. Клычков – и крестьянин, и попутчик.

В 1922 г. увидели свет такие строки Клычкова: «Среди людей мне страшно жить», «Как на покойницу убор, / Легла на землю тень от плахи». Его лирический герой – бесприютный странник, он в даль идет, «как на поминки». Но поэт сохранял надежду и верил в Божье заступничество: «Иду в поля за Божьей данью / <...> Но нет отчаяния – нет; / И в узелочке за плечами / Такой неизъяснимый свет», «И разбитою рукою / Я крещусь, крещусь».

Так называемое дело четырех поэтов 1923 г. показало, что литературные битвы имели политическую подоплеку. 20 ноября 1923 г. Есенин, Ганин, Клычков, Орешин в пивной на углу Мясницкой и Чистопрудного бульвара разговаривали о литературе, упомянули Троцкого, Каменева – и были задержаны милицией за антисемитские высказывания. После допроса в сорок седьмом отделении милиции дело передали в секретный отдел ГПУ, где последовали новые допросы и подписка о невыезде. Никто из них антисемитом не был. Зловещую роль сыграли публикации в «Рабочей газете» (№ 264 от 22 ноября), в журнале «Жизнь и искусство» (№ 48 от 4 декабря), в газете «Саратовские известия» (№ 271 от 28 ноября), в петроградских «Последних новостях»

³⁷ Клюев Н. Словесное древо: Проза / Вступ. ст. А.И. Михайлова; сост., примеч. В.П. Гарнина. СПб.: Росток, 2003. С. 55.

³⁸ Асеев Н. Художественная литература // «Печать и революция». 1922. № 7. С. 69.

³⁹ Асеев Н. Избьяной обоз: О «пастушеском» течении в поэзии наших дней. С. 38.

⁴⁰ См.: Фрезинский Б. Писатели и советские вожди. М.: Эллис Лак, 2008. С. 79 – 81.

⁴¹ О партийной и советской печати: Сб. документов. М.: Правда, 1954. С. 345.

(№ 62 от 3 декабря). В «Правде» и «Известиях» поэтам был объявлен бойкот. «Правда» (№ 296 от 30 декабря) опубликовала заметку М. Кольцова «Не надо богемы», где случай в пивной увязывался с фашизмом. Появились глумливые пародии в журнале «Зори» (1923. № 6): «Нам не счесть прорешин, не собрать клочков... / Где ты, Петр Орешин, где, Сергей Клычков?! / Где ж и ты, Есенин?!. Опустел Парнас... / Ах, порой осенней хоронили нас...», «Я сегодня заострился, как игла, / Меньшинство национальное браня. / Красноярь моих стихов... не помогла! / “Приспособили” в милицию меня... / Ах, друзья – Есенин, Ганин и Клычков!.. / Transit gloria... Что было не вернуть! / Пали жертвой мы заборных язычков... / За границу что ль, ребята стрекануть?!»⁴² и т.п. Но писательская общественность поступила бесстрашно: было решено, что публикации основаны на непроверенных фактах. 13 декабря товарищеский суд расценил произошедшее как антиобщественный дебош без какого-либо политического содержания, раздувшему этот инцидент в политическое дело Л. Сосновскому указали на то, что он использовал случившееся в литературной борьбе⁴³. 30 марта 1925 г. во внутренней тюрьме ВЧК был расстрелян Ганин, его обвинили в принадлежности к «Ордену русских фашистов».

Для Клычкова наступила черная полоса. Он лишился работы в «Красной нови». В 1924 г. он намеревался издать книгу статей, но она так и не вышла. В марте 1924 г. во время доклада А. Белого он посылает ему записку: «Что важнее сейчас: жизнь или искусство? что гибнет сейчас: жизнь (старая, новая или даже, может быть, уже заранее будущая) или искусство... что нужно спасать: себя, жизнь или искусство»⁴⁴. Сам он спасался искусством. Середина 1920-х годов отмечена в его жизни настоящим творческим взрывом. Он задумал написать девятикнижие «Живот и смерть», но в силу обстоятельств свет увидели только три. В «Красной нови» был напечатан «Сахарный немец» (1925), в «Новом мире» – «Чертухинский балакирь» (1926), в «Молодой гвардии» – «Темный корень» (1927; отдельное издание – «Князь мира», 1928).

⁴² Летопись жизни и творчества С.А. Есенина: В 5 т. / Сост. Н.И. Шубниковой-Гусевой. М.: ИМЛИ РАН, 2010. Т. IV. С. 573. Transit gloria (лат.) – проходит слава.

⁴³ Только 9 мая 1927 г. на заседании коллегии ОГПУ было решено дело прекратить и сдать в архив. В 1993 г. к этой истории вернулась Генеральная прокуратура РФ, дело было прекращено за отсутствием состава преступления, отмечалось, что следствие шло с грубым нарушением уголовно-процессуальных норм (личный обыск и трехдневное содержание под стражей). Поэтов реабилитировали на основании закона 1991 г. «О реабилитации жертв политических репрессий». Этот случай оставил след в литературе. В ранней редакции «Мастера и Маргариты» Иван, сообщая публике о появлении консультанта, обвиняет «ласковую рожу» в том, что тот распял Христа, призывает бить «арамея», на Иванушку набрасываются, кто-то обзывает его антисемитом. « – Да что вы, – возразил другой, – разве не видите, в каком состоянии человек!.. Какой он антисемит! С ума сошел человек!» *Чудакова М.* Жизнеописание Михаила Булгакова. М.: Книга, 1988. С. 397. Заступники поэтов (В. Полонский, А. Мариенгоф, А. Сахаров) ради спасения обвиняемых как раз акцентировали внимание на их невменяемом состоянии.

⁴⁴ РГАЛИ, ф. 53, оп. 4, ед. хр. 11.

Романная хронология выстроена вспять, Клычков уводит нас в глубь времен и там ищет в человеческой породе то, что порождает зло. Мировая война, предреволюционные годы – время порчи человека, отпадения от моральных традиций, время религиозных сомнений, которые вызревали в крестьянском мире еще в крепостную пору. Тем самым Клычков не сводит вопрос о путях зла к социальным аспектам, он разворачивает его в философскую и религиозную темы. В годы социального раскола, воинствующего материализма, отрицания старого он выразил мысли, которые были не ко времени. Во-первых, мир един и вечен. Во-вторых, дух и плоть едины. В-третьих, человек слаб перед злом, потому в его жизнь легко вмешивается черт. В 1926 г. у Клыčkкова появилась такая стихотворная строка: «Я слаб, а враг свиреп». Герой Клыčkкова исключителен, в его жизни есть нечто, что с обычным человеком никогда не случается. Романы появились на фоне экспрессивной прозы И. Бабеля, Вс. Иванова, Б. Лавренева, А. Малышкина, в которой поэтизировалась дикая натура русского грубого гунна, создателя нового мира. Герой Клыčkкова деликатен, мечтателен, он созерцатель-философ, наивный правдоискатель с нежной душой. Он не разрушает старого, не созидает нового, он задумывается, почему жизнь такая нескладная.

Герой «Сахарного немца», Миколай Зайцев, Зайчик, Лель, – крестьянин из села Чертухина, зауряд-прапорщик, потом подпоручик. О нем, поэте-воине, в газете напечатана статья его долгоносого приятеля, в котором мы узнаем Городецкого. В Зайчике много пытливого и детского, его душа – спугнутая птица. У него особое зрение. Он один видит, как чертухинские избы поплыли над землей, их крыши – крылья птиц, из-под изб валит туман – это чертухинские девки в хороводе. Далее на полторы страницы образ разворачивается в метафорическое полотно: и какие на девках платья и ленты, и как они не касаются земли, и как поют о Леле, и как сыплет на них листья старый ясень. К онейрическому созерцанию побуждает луна-месяц – лейтмотив всех романов Клыčkкова. Месяц – проводник в скрытую реальность. К слову, в детстве Клычков был лунатиком. Ассоциативное сознанием Леля отвечает и космогоническим идеям того времени. Так, в сочинении Р. Штайнера «Из летописи мира. Акаши-хроники» (1904 – 1908), популярном в России в 1910-е годы, говорится, что как раз в мировом периоде Луны человек обрел образное символическое сознание.

Зайчик приезжает на «побывочку» в родительский дом. Казалось, крестьянская жизнь – идиллия, мужики-старообрядцы просветлены мудростью заветной книги «Златые Уста»⁴⁵, в большой избе Зайчика нажитый трудом достаток. Но пастораль рассыпается

⁴⁵ Есенин в «Ключах Марии» цитирует распространенные среди староверов стихи «О старце» и «Песню глухой нетовщины, оставшейся после времен самосожигательства», где говорится о старце, потерявшем

на глазах: «Златые Уста» потеряны, исчез домовой, на фронт забирают последних коней, невеста вышла замуж за купеческого сына, Зайчик грешит с ней – уже чужой женой, повесилась обмороченная очажным бесом солдатка. Чертухино – «серая, туманная, печальная сторонка», и Лель произносит: «О, где ты, пресветлый Иордан, в который смотрятся избы под тайной полуночной звездой!». И он, и солдаты-односельчане не могут убежать от судьбы-«нескладихи». Ею управляет черт. Он вездесущ – в деревне, в городе, на войне, в чиновнике, в машинисте, «не брезгует дьяконским чином». В чагодуйском трактире Зайчик слышит, что немец – бес из полуденной страны. Возвратившись на фронт, герой поддается провокации беса, Сахарного немца. Тот призывает его к убийству. Зайчик стреляет в него, оборотня, и убивает реального немца, который во время затишья пришел зачерпнуть двинской водички. Даже солдаты осудили своего командира. Ангел отвел Зайчика от ненужного убийства, и душа его опустошена. Сам Клычков писал с фронта Журову: «Первый выстрел будто разбудил, ошеломил, накинулся на меня, как вор, на дороге жизни и сделал меня из богача нищим. Чувство какой-то роковой странной душевной опустошенности не покидает меня по сие время. Первое время я так мучился ею, так болел...»⁴⁶. Итак, Лель оказался еще дальше от «пресветлого Иордана». Как пишет Г.С. Клычков, в романе дана «запутанная картина мира мятущегося человека, испытавшего страх смерти и сладкий ужас убийства»⁴⁷. Подчинивший себе волю Леля бес – Сахарный, потому что «сладок ужас убийства», сладка, как сказано в романе, кровь человека, да и в старообрядческих представлениях сахар греховен.

Удивителен мир и в «Чертухинском балакире». События происходят более чем за двадцать лет до истории, описанной в «Сахарном немце». Герой, Петр Кирилыч, – такой же мечтатель, ему «все казалось иначе, как, может, никогда и ни у кого не бывает». Его сватом становится леший Антютик; не искушенный в вере, редко бывавший в церкви, он женится на дочери еретика Спиридона Емельяныча и просится в его веру; наконец, на его любовь притязает чертухинская ведьма Ульяна.

Спиридон Емельяныч обустроивает в подклети мельницы, которую выменял за «Златые Уста», скрытую церковь. Ранее он и его брат Андрей, отбившиеся от «православного стада» староверы, в афонском храме⁴⁸ встретили черта в образе келаря, и тот внушил им мысль о том, что крестьянину не быть в раю. Вновь герой Клычкова

«книгу златую в темном бору». Сергей Есенин в стихах и жизни: Поэмы 1912 – 1925. Проза 1915 – 1925. С. 259.

⁴⁶ Журов П.А. Две встречи с молодым Клычковым. С. 154.

⁴⁷ http://knigolubu.ru/russian_classic/klichkov_sa/georgiy...

⁴⁸ В дневнике П.А. Журова от 11 марта 1928 г. записаны слова Клычкова: «Мне Афон надо посмотреть, хоть он и Новый, а все же Афон... поплакать в ту землю». РГАЛИ. Ф. 2862, оп. 1, ед.хр. 23, л. 64. В 1929 г. Клычков с женой и дочерью отдыхали в Новом Афоне.

поддается провокации рогатого. Спиридон создает противное человеческой природе учение о трехгодичном усмирении плоти, надеясь, что оно приведет его в рай и возведет в святые. Рассказчик ироничен: «С крайку, да в райку!», и дальше: «Спуталось все в душе Спиридона». В скиту мельника появились иконы со святыми, похожими на чертухинцев. К слову, Зайчик увидел сходство ликов на иконе Всех Святых с солдатскими лицами, но в его понимании – это грех: «пьяную икону» писал безумный иконописец, обратившийся не к молитве, а разгулу. Мельникова вера сродни гностическому противопоставлению духовного и телесного, аскетизму манихейцев. Лукаво собственное воздержание. Чтобы не нарушить зарока, к мельнику с того света, с позволения апостола Петра, приходит умершая жена. Она, конечно, не в раю, но ей хорошо и у райской ограды под калиновым кустом. Однажды под утро мельник видит около себя не ее, а оборотня Ульяну, и случилось это после того, как во сне ему явилась прародительница Ева и подала яблочко, отчего пошел человеческий род. В итоге тайная церковь сгорает, а вместе с ней и мельник. Пожар случается от образа Неопалимой Купины. Перед смертью Спиридон называет себя окаянным. Тетка Ульяна, веселая баба, которой бес плюнул в ребро, – символ непомерной плоти. Она – аналог нагой рыжей девки, чертовой «погани», искушавшей Спиридона на Афоне. Не получив мельника в святом месте, дьявольский соблазн взял свое в Чертухине.

Природа зеленоглазого Антютика безгреховна: лешие рождаются не в естестве, а от небесного огня, который таится в отмеченном молнией пне, как в материнской утробе. Он поминает Бога и уподобляет небесную гармонию рассолу без прокиса, в котором бабы солят огурцы. В основе клычковской модели мира – архаичная идея аналогии микро- и макрокосма, согласно которой микрокосм может быть понят только как реплика макрокосма. По сути, эти представления закрепились в антропоморфной метафоре «небесное тело». Согласно космогонии писателя малая и большая вселенные взаимосвязаны, малый мир идентичен большому. И если аббатиса Хильдегарда Бингенская («Книга Божественных творений», 1163–1173) представляла макрокосм в виде круга, который держит в своих руках Природа – Божественная мудрость, то и Антютик втолковывает Петру Кирилычу: «Потому круглый месяц, круглое солнце, круглое колесо... у телеги, потому что телега иначе не стронется с места, а на то она и телега, как на то же и месяц, и солнце, чтоб не стоять на одном месте, а катиться и катиться по небу». Если она в раннем сочинении («Познай пути», 1140-е) уподобляла вселенную яйцу, землю яичному желтку, то и он объясняет балакирю, в чем сохраненный смысл яйца, которое бабы погружают в кадущку с рассолом. В первом романе есть сюжет о праведных старцах: они ищут правду на Афон-горе, но узнают там, что правда ведома

Антютику из Чертухина, что она – единый свет, который держит землю, «как малое дитё», всякому «мирволит», а всякий и плох, и хорош; днем этот свет зажигает золотой фонарь, ночью – серебряный и лампы-звезды. Антютик – резонер Клычкова, но балакирь не внял лешему и ткнулся в мельникову ересь.

Название третьего романа указывает на дьявола, в сюжете он – действующее лицо. Привлекший внимание Клычкова Ориген Александрийский писал: «<...> он и был назван князем сего мира, то есть земного обиталища»⁴⁹. В «Князе мира» выразились тревожные предчувствия автора. В дневнике Журова мы находим запись о том, как Клычков говорит о своей смерти, просит похоронить его на Дубне без обрядов, пишет завещание, назначает его опекуном дочери. В декабрьской записи 1927 г. переданы его слова о мире, который лежит во зле, о неодолимости зла. В романе даже святость в восприятии крестьян показана как мрачная пародия. Святой по местным представлениям старик Михаила отправляется в странствие, чтобы взять от земли мужской силы – у него молодая жена Марья. По дороге он встречается с чертом и в страхе отдает ему свой облик. Рогатый говорит о нем: «<...> со слов он угодник, а с усов он греховодник» и живет с Михайловой молодухой, та рождает от него сына. На груди новорожденного висит неразменный рубль с изображением князя мира. Ставший впоследствии святым Ворсонофием кроткий, запоротый до полусмерти Иван Недотяпа попрошайничеством собирает барыне такой оброк, что та приказывает перекалечить мужиков и отправить их собирать оброк по дорогам. Земляки называют Ивана святым чертом. В связи с этим персонажем Клычков, по записям Журова, говорил о свидригайловщине во святости.

Крестьянский мир жалостливый и жестокий. Неразменный рубль – дьявольское искушение, ради него и убить можно. После пожара Марьиной избы младенец остается сиротой, его вскармливают всем селом – сирота дается за общий незамоленный грех. Но сирота выгоден, он – «бесплатежный» подпасок и пастух, внеочередной рекрут. Его избивают сверстники, под гогот мужиков над ним куражится пьяный пастух Нил, его чуть было не утопили. Как говорит дьякон: «Потому мирской человек вроде как в бессрочном порядке... захотят – в землю зароят, и никакой управы на мир не найдешь, потому – мир!»

В романах Клычкова крестьянин трудолюбив, поэт в душе. Но и непросветлен. Староверский батюшка из «Сахарного немца» говорит о душе, подобной слепцу. Силы такого человека быстро иссякают, и ему нет дороги в царство птицы Сороки. Вызревшая в старообрядческой среде утопия о мужичьем рае – сквозной мотив прозы Клычкова. Его герои мечтают о Сорочьем царстве, разголубой стране, где нет царя, а пастух выше

⁴⁹ Ориген. О началах // Ориген. О началах. Против Цельса. СПб.: Библиополис, 2008. С. 125.

министра, где нет лиходейства, налогов, злобы, острогов, где колодница-смерть томится в подземелье, где коней седлают только на пашню, в реке течет живая вода. За самогонной бутылкой Зайчик уверяет рассказчика, что все это видел: там под десятилетиями дубом селения и города, там плачет от радости тальянка, там в новой хате сидит чертухинский троечник Петр Еремеич, его кони пасутся у реки, у пастуха в руке луч от полночного месяца, в сумке душистый каравай.

Через все романы проходит мысль о теодицее: как оправдать Бога, сотворившего несправедливый мир и обрекшего человека на тяготы?

Клычков не мог жить без Бога. Хотя он и писал в 1929 г.: «Люблю наедине слагать свои молитвы / И не хожу молиться в многолюдный монастырь...», в храм он все же ходил, однажды взял с собой дочь, показал ей церковные иконы. Сохранилась его запись о том, что без Бога все превращается в страшную бессмыслицу. Его герои тоже не могут жить без Бога, и они удивляются, почему Бог их забыл, не верит им, а надо, чтобы верил, даже если они «в вере блудят сколько им угодно». В «Князе мира» крестьянин озвучивает гностическую идею: «<...> мир заделывал Бог, хорошо не подумав, и многое сотворил впопыхах, почему и пришлось потом уж на свободе доделывать черту». Рогатый вспоминается часто – он «спокон века живет с человеком, и нет такой хаты и дома, где бы не было с добрый десяток чертей», даже мурцовку и тюрю выдумал бес, чтобы мужик меньше верил в Бога. Герои думают о Боге и впадают в ересь – многого не может понять. В «Чертухинском балакире» рассказчик говорит: «Есть Бог... безбородый, потому бороде негде на нем поместиться, ибо он есть высшая плоть, плоть плоти, сиречь речь говорится: нескончаемый дух!.. Только всего этого человек хорошо не может понять». Скорее всего, эти слова – ответ Есенину, который в «Железном Миргороде» (1923), под впечатлением от урбанистической цивилизации США, написал: вера в Бога, «деда с бородой», – «чепуха»⁵⁰. Клычков описал и церковные распри. Среди новообрядцев есть слабый до женского пола «попишка», поп Федот жаден до денег, дьякон церкви Николы-на-Ходче пропил водосвятный крест и верит в боженят, но и старообрядцы отступают от веры⁵¹. Исканность крестьянского сознания показана в мотивах пьянства⁵², суеверия,

⁵⁰ Сергей Есенин в стихах и жизни: Поэмы 1912 – 1925. Проза 1915 – 1925. С. 246, 243.

⁵¹ Клычков «застал <...> уже головешки этого некогда “огненного старообрядчества”. И все-таки можно вполне утверждать, что, пожалуй, оно одно почти до самой революции не утратило “живого интереса” к путям спасения. В чем угодно можно упрекнуть старообрядцев, только не в “тепло-хладности”, в которой пребывало тогда официальное православие. Канонически верно изложенное и охраняемое от еретических поползновений православие в итоге породило массовое безразличие в среде верующего русского народа». См.: *о. Владимир Чугунов*. Открытое исповедничество Сергея Антоновича Клычкова // Сергей Антонович Клычков: Исследования и материалы / Ред.-сост. Е.В. Дьячкова. М.: Изд-во Литературного института им. А.М. Горького, 2001. С. 24.

⁵² Ср. с фрагментом письма Клычкова к Журову 1912 г.: «Ух, пьянство, морда и когти зеленого змия на сердце и у очей – знаю я это! Волен человек русский и провалился в свою волю, как медведь в яму, –

рожденной нищетой жадности, бездетности, некрещенных и незаконных новорожденных⁵³. Новые люди из совхоза уже не помнят, что раньше здесь стоял монастырь; скоро человек передушит лесных зверей, выморит из рек рыбу, переловит птиц, срежет все деревья, и придет время, когда не останется ни леших, ни речных девок. Но придет час расплаты, земля станет похожей «на голую бабью коленку, на которую, брат, много не наглядишь», и рогатый привертит вместо души гайку.

Теодицея, по-видимому, обрела особую остроту в пореволюционные годы. Человеку дана свобода, он волен выбирать между добром и злом, и он – причина «нескладихи». Эта мысль Клычкова созвучна пониманию теодицеи в сочинениях его современников-философов. Е. Трубецкой пишет: Бог не виновник зла, «единственной виновницей его является греховная и злая воля твари», которой дана свобода выбора – «необходимое условие дружества между Богом и тварью», но «вся наша действительность находится в полном противоречии с этим замыслом»⁵⁴ («Смысл жизни», 1918). По Н. Бердяеву, «христианская теодицея возможна лишь через свободу человека, свободу твари»⁵⁵ («Из размышлений о теодицее», 1927). Свобода человека в контексте антроподицеи и теодицеи – тема его же сочинения «Миросозерцание Достоевского» (1923). Н. Лосский, рассуждая о Достоевского, писал: «Итак, человек – существо свободное; ничто не вынуждает его совершать дурные поступки; если человек отклоняется от пути добра и вступает на путь зла, он страдает и не имеет права сваливать вину на других, на среду или на Бога, будто бы плохо сотворившего мир» («Миропонимание Достоевского», 1939, изд. 1944)⁵⁶.

Романы Клычкова говорят о расцвете в нашей литературе магического реализма⁵⁷. Само понятие магического реализма появилось в Германии в год издания «Сахарного немца»: в книге Ф. Роо «Постэкспрессионизм. Магический реализм» (1925) говорилось о возврате в живопись сверхреального, магического содержания. Что для символиста – ирреальность и символ, для магического реалиста – действительность; обе реальности, видимая и скрытая, очевидны для писателя и героя и не нарушают жизнеподобия.

широка русская душа, и... подавилась своей широтой, как собака костью!» *Журов П.А.* Две встречи с молодым Клычковым. С. 152.

⁵³ См.: *Пономарева Т.* Мир детства в романах С. Клычкова // Сергей Антонович Клычков: Исследования и материалы. С. 150 – 166.

⁵⁴ *Трубецкой Е.* Смысл жизни. М.: Изд-во АСТ, 2003. С. 155, 156.

⁵⁵ Путь. 1927. № 7. С. 57.

⁵⁶ *Лосский Н.О.* Миропонимание Достоевского // Лосский Н.О. Бог и мировое зло / Сост. А.П. Поляков, П.В. Алексеев, А.А. Яковлев. М.: Республика, 1994. С. 111.

⁵⁷ О магическом реализме С. Клычкова: *Скороспелова Е.Б.* «Магический реализм» // История русской литературы XX века (20 – 50-е годы): Литературный процесс. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2006. С. 118 – 127; *Кислицын К.Н.* Проза С.А. Клычкова: Поэтика магического реализма. Дисс....к. филол. наук. М., 2005.

Несомненно, источник такого сознания – фантастический реализм Н. Гоголя, который, по словам В.Н. Горбачевой, для Клычкова – «близкий, самый “кровный”»⁵⁸. Но восприятие писателя напиталось прежде всего семейной атмосферой, в которой чудесное было обыденным: жена мельника приходит с того света, но ведь бабушка Авдотья тоже приходила оттуда корову подоить⁵⁹, она же лунными вечерами выводила внука на крыльцо, они крестились на проходящих мимо лосей, и в «Чертухинском балакире» появляется лось с золотыми рогами. Магическое было привычным и для односельчан: «Старики видели лешего в бору своими глазами. Они засмеют того, кто этому не поверит»⁶⁰. Сама природа порождала такое сознание. Как вспоминал Клычков: «Лес у нас в ту пору стоял почти у окон заповедный, в лесу водилась разная диковина, и вообще было все, если теперь вспомнить, как выдуманное...»⁶¹. Невероятные эпизоды романов вырастали из повседневности. В «Князе мира» рассказано, как сом выдаивал корову, мужики сома выловили, разрубили, из его чрева вывалился творог. Казалось бы, гротеск. Но А. Сечинский вспоминал, как корова бобылки Катерины перестала давать молоко, скотинка стояла по живот в реке, и «что-то живое прильнуло к буренкиному вымю»⁶²; хозяйка грешила на нечистую силу, но выдаивал молоко сом более четырех пудов. Магическое понимание мира разрасталось и под влиянием сказок. Скорее всего, Клычков продуманно вводил в романы характерных героев волшебных сказок, но модернизировал сюжеты: балакирь наивностью, душевной чистотой напоминает и Ивана-дурака, и царевича, но так безволен, так ведом; правдоискатели умственно блуждают и не находят истины; леший – выразитель авторского понимания мира; сироте суждено стать врагом крестьянского мира; колдунья рушит планы и мельника, и балакиря, травит его невесту, словом, делает все, чтобы в сказке не было счастливого финала. Как сказано в стихотворении «Если б жил я теперь не за Пресней...» (<1927>): «Так у самой затейливой сказки / Нехороший бывает конец».

Кроме того, романы Клычкова – апогей русской «прозы поэта», особого типа прозы, создаваемой по законам поэзии. Она лейтмотивна, в ней есть внутренние рифмы, стихотворные размеры, она богата тропами, лексическими, фонетическими,

⁵⁸ Сергей Клычков: Переписка, сочинения, материалы к биографии. С. 204.

⁵⁹ Из записей В.Н. Горбачевой: «Умершая свекровь, жалея молодую невестку, приходила, бывало, с того света по утрам корову доить. Встанет Феклуша, а уж корова подоена, и ведро с молоком пенится, чистым рушником закрыто. Фекла Алексеевна повествует мне об этом спокойно, простодушно, как о деле самом обыкновенном». Там же. С. 214.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Клычков С. Автобиография // Клычков С. Чертухинский балакирь: Романы / Сост., послесл., примеч. Н. Солнцева. М.: Советский писатель, 1988. С. 4.

⁶² ОР ИМЛИ, ф. 67, оп. 2, № 1а, л. 24.

синтаксическими повторами, она версейна, иначе – строфична⁶³. В ней много скрытых цитат из лирики поэта. Наконец, традиционный сюжет уступает место фрагментарности, в нем есть свойственная лирике недосказанность, немотивированность. Потому она была непривычна, и Журов, работая над текстом «замечательного и поразительного» «Сахарного немца», писал Клычкову 12 июня 1925 г.: «Измял, искромсал твоего Немца, а живьем все взять не могу. А надо взять живьем, с бою да и посадить с собой пить пиво. Знаешь ли, в чем слабое место романа, – в мотивировке убийства, этот дрючок прямо хоть выбрось. Смысл п о е д и н к а с немцем гораздо важнее, да он, смысл-то, Зайчику только тускло брезжится, оттого вся грусть его, да и н е м о г л о , такие вещи, ясно, людям не даются быть иначе»⁶⁴.

У Клычкова природное чувство слова. Ему снились слова в образе цветов – нагнешься, и венок готов – «четверостишие, то ли лепестки, то ли буквы»; он просыпался и слышал «аромат лепестково-буквенный, без смысла и содержания»⁶⁵.

Однако реакция на прозу Клычкова была политизированной, и если в письме 1925 г. А.М. Горький по поводу «Сахарного немца» писал Клычкову о его духовной независимости и выводил его из ряда писателей, работавших по указке, то в записке Горького своему секретарю П. Крючкову есть слова о том, что автор «Сахарного немца» по ту сторону баррикад, а в июльском 1925 г. письме Горького к Н.И. Бухарину был призыв к Бухарину и Троцкому противопоставить «идеологии мужикопоклонников и деревнелюбов», возрождающемуся народничеству, «столь ярко выраженному в “Сахарном немце” поэта Клычкова»⁶⁶, новую литературу, с героем массы, выразителем новой жизни, поскольку конфликт произведений рабочих и крестьян неизбежен. Горький, судя по его письмам Р. Ролану и Ф. Гладкову, ценил талант Клычкова, но все же с оговоркой: Клычков – от крестьянских масс, а он, Горький, – с пролетариатом и интеллигенцией. В том, что «Чертухинского балакиря» читал председатель ЦИК, член политбюро ЦК ВКП(б) М.И. Калинина и, скорее всего, секретарь президиума ЦИК А.С. Енукидзе, нет ничего неожиданного. В мае 1922 г. Политбюро, по предложению Ф.Э. Дзержинского, приняло решение, обязывающее членов Политбюро еженедельно просматривать некоммунистические издания. В печати была развернута серьезнейшая полемика, и если напечатавший «Чертухинского балакиря» в «Новом мире» В.П. Полонский выступал в защиту Клычкова и других новокрестьян, то в ответных статьях,

⁶³ См.: Орлицкий Ю. Стиховое начало в прозе Клычкова // Сергей Антонович Клычков: Исследования и материалы. С. 108–122.

⁶⁴ Сергей Клычков: Переписка, сочинения, материалы к биографии. С. 198.

⁶⁵ Там же. С. 200.

⁶⁶ Известия ЦК КПСС. 1989. № 1. С. 247.

публиковавшихся на страницах журналов «На посту», «Земля Советская», «Печать и революция», в изданиях Коммунистической Академии, политические обвинения были направлены и на Клычкова, и на Полонского. Клычкова уличали в черносотенстве и кулачестве, как это, например, прозвучало в статье О. Бескина «Россеяне» (1928).

Клычков подавал в издательства заявки на следующие романы, но в печати эти романы не появились. В 1928 г. он передал в «Госиздат» заявку на издание собрания сочинений в пяти томах. Никакого собрания сочинений не вышло. Об эмоциональном состоянии писателя можно судить по его стихотворению «Лихо» (1926–1927). Лихо, в образе странника-монашка забредшее в его дом, «Разломит жизнь, как хлебную краюшку, / Большой ломоть за окна бросит псу»⁶⁷. Ко всему прочему в связи с раскулачиванием его родителей не единожды пытались лишить дома в Дубровках, потому в 1929 г. он вынужден был продать свое родовое гнездо за смешные деньги. В его дневниковых «Неспешных записях» есть строки: «Отец про себя говорит: мученик, а не святой! За это, должно быть, его и раскулачили...»⁶⁸. 1929-й – год «великого перелома», форсированной коллективизации. В тот год Л. Авербах писал о патриархальщине и мелкобуржуазности Клычкова («Об ориентации на массы и опасности царства крестьянской ограниченности»).

В том же году, реагируя на направленные против него статьи Бескина и имея в виду статью Бухарина «Злые заметки» (1927), в которой поэзия Есенина названа вредной и шовинистической, Клычков в «Литературной газете» выступил со статьей «О зайце, зажигающем спички». Следующая статья, «Свирепый недуг», появилась через год там же. В них он с сарказмом нападал на прокуроров от литературы. Но как написал О. Бескин: «<...> обе статьи Клычкова пронизаны российской великодержавностью, шовинизмом самого откровенного свойства»⁶⁹.

С октября 1930 г. в комнатке Дома Герцена появилась Варвара Николаевна Горбачева – новая жена Клычкова. Дочь поэта писала: «Однажды к нам в окно влетел галчонок. Он долго жил у нас. Любимое место у него было – на плече отца. Поговаривали: плохая примета, когда птица влетает в дом. Вряд ли галчонок тому виною, но мои

⁶⁷ В поэме «Лето» (1932) П. Васильев вступил в диалог с Клычковым: «Послушай, синеглазый, – тихо... / Ты прошепчи, пропой во мглу / Про то монашье злое лихо, / Что пригорюнилось в углу. / Крепки, желтоволосы дети, / Тяжелый мед расплескан в лете, / И каждый дождь – как с неба весть. / Но хорошо, что горечь есть, / Что есть, над чем рыдать на свете!» *Васильев П.* Сочинения. Письма / Сост. С.С. Куняев. М.: Эллис Лак, 2002. С. 51.

⁶⁸ Сергей Клычков: Переписка, сочинения, материалы к биографии. С. 202.

⁶⁹ *Бескин О.* Кулацкое саморазоблачение, от гнева происшедшее // *Бескин О.* Кулацкая художественная литература и оппортунистическая критика. М.: изд-во Коммунистической Академии, 1930. С. 51.

родители вскоре разошлись»⁷⁰. Мотив разлада вошел в его лирику уже в 1922–1923 гг.: «Надела платье белое из шелка / И под руку она ушла с другим», «Поутру нелады и ссоры», «Ах эта шубка... шубка эта – / какая-то... такая боль...»

О внешности Варвары Николаевны есть относящееся к концу июня или началу июля 1932 г. замечание С. Липкина: «Двери нам открыла жена Клычкова, молодая (явно моложе мужа), красивая черноволосой монашеской красотой»⁷¹. Она профессиональный литератор, автор книг «Молодые годы Тургенева» (1926), «Чернышевский» (1936). Клычков как-то трогательно относился к ее творчеству. Например, находясь в 1931 г. на лечении в Кисловодске, он просил жену прислать ее статью «Гегель в России» («Вечерняя Москва». 1931, 20 нояб.) и писал при этом: «Мне приятно видеть, как печатают тебя, когда сам я лишен этого удовольствия»⁷². Он писал о своей «Вареньке»: «Со мною ты рядом / С доверчивым взглядом, / С любовью дочернею, – / Как солнце вечернее / Над гложущим садом»⁷³. Варвара Николаевна в нем видела героя, но беспомощного и несчастного, и считала его жизненный круг заколдованным и страшным. В 1932 г. родился сын Егорушка. Крестным отцом был Клюев, и по этому поводу в стихотворении П. Васильева «Егорушке Клычкову» (1932) есть такие строки: «Крестный твой отец весь век / Обрастал иконами»⁷⁴. Между дочерью Евгенией и новой женой Клычкова сложились ровные и даже теплые отношения. Например, лето девочка проводила на даче родных Варвары Николаевны, та переводила ей сказки с французского на русский. Впоследствии Евгения Сергеевна работала переводчицей в Интуристе.

После поэтической книги Клычкова «Талисман» (1927) в январе 1930 г. вышла его последняя книга стихов «В гостях у журавлей». Она исповедальна и философична. Ее мотивы – страдание, любовь, семья, усталость, «круг солнца и луны», закатные годы и другие – отражают душевный опыт, когда многое передумано и пережито: «Моя душа дошла до иступленья, / У жизни в яростном плену, / И мне не до залиvistого пеня / Про соловья и про луну!» Он уже предчувствовал свои сроки («Я устал от хулы и коварства / Головой колотиться в бреду, / Скоро я в заплотинное царство, / Никому не сказавшись, уйду...») и все чаще писал о душе.

Потом были стихи «в стол». Например, о том, как охранял его мир Спас «с божницы старой», но «Давно не смотрит Спас с божницы, / И свет лампад давно погас».

⁷⁰ http://klischkov.moy.su/publ/chto_pomnju_ob_otce/1-1...193

⁷¹ Липкин С.И. В Овражном переулке и на Цветном бульваре // Николай Клюев: Воспоминания современников. С. 578.

⁷² Сергей Клычков: Переписка, сочинения, материалы к биографии. С. 201.

⁷³ Там же. С. 203. В экспромте П. Карпова о В.Н. Горбачевой есть строки: «У Варвары – козырь главный: / Все понять и все простить». Там же. С. 196.

⁷⁴ Васильев П. Сочинения. Письма / Сост. С.С. Куняев. М.: Эллис Лак, 2002. С. 375.

Писал об убогом и печальном крае, о том, что «Впереди одна тревога, / И тревога позади», что «Черт сидит и рыбку удит / В мутном омуте души». Все это неслыханно времени, а свое время он ощущал экзистенциально: «Там ворочается время, / Как в глухой берлоге зверь». Этот образ – как отзвук мандельштамовских строк «Век мой, зверь мой, кто сумеет / Заглянуть в твои зрачки»⁷⁵.

Общение с Мандельштамом – особая история. С. Липкин привел такие слова Клычкова: «<...> люблю Осипа крепко, ценю его <...>»⁷⁶. Как писала Е.С. Клычкова: «Теплые отношения у моего отца были с Осипом Мандельштамом. Очевидно, какой-то общий духовный стержень позволял им быть друзьями»⁷⁷. Долгие годы Клычковы и Мандельштамы были соседями по Дому Герцена и писательскому дому в Нащокинском переулке. Мандельштамы, скорее всего, притягивали и Сергея Антоновича, и в Варвару Николаевну своей романтичностью и непосредственностью. Ее воспоминание о походе Мандельштамов на базар написано с тихим восхищением: попросили у Клычковых мелочь на трамвай, продали платью Надежды Яковлевны, вернулись с половиной стакана сметаны, килограммом картошки, с малым количеством какой-то еды и букетом хризантем. Она же писала о мандельштамовском «трогательном чисто еврейском порыве к “русской натуре”, к “русской правде” и еще к чему-то, что употребляется обычно с прилагательным “русский”. “Вашей судьбе завидую”, – говорил Сергею Антоновичу»⁷⁸. Если Е.С. Клычковой Мандельштам «казался больным и несчастным стариком»⁷⁹, то В.Н. Горбачевой он своей честностью, нравственной чистотой напоминал апостола. Н.Я. Мандельштам отзывалась о Клычкове как о «диком человеке кротчайшего нрава, цыгане с ярко-синими глазами», после гибели которого «люди в Москве стали как-то мельче и менее выразительны»⁸⁰.

О душевной близости поэтов говорит, например, их реакция на ошибку редакторов «Красной нивы» (1923. № 4): оба принесли свои стихи в журнал, и клычковское «Пылает за окном звезда...» было напечатано под именем Мандельштама. Исключительно жалея сотрудников редакции, они не стали настаивать на исправлении⁸¹. Характерна и мотивировка посвящения третьей части «Стихов о русской поэзии» (1932) Мандельштама

⁷⁵ Мандельштам О. Век // Мандельштам О. Соч.: В 2 т. / Сост. П.М. Нерлера; вступ. ст. С.С. Аверинцева; коммент. А.Д. Михайлова, П.М. Нерлера. М.: Худож. литература, 1990. Т. 1. С. 145.

⁷⁶ Липкин С.И. В Овражном переулке и на Цветном бульваре. С. 580.

⁷⁷ http://klischkov.moy.su/publ/chto_pomnju_ob_otce/1-1...193

⁷⁸ Сергей Клычков: Переписка, сочинения, материалы к биографии. С. 210.

⁷⁹ http://klischkov.moy.su/publ/chto_pomnju_ob_otce/1-1...193

⁸⁰ Мандельштам Н. Собр. соч.: В 2 т. / Сост. С.В. Василенко, П.М. Нерлер, Ю.Л. Фрейдин. Екатеринбург: Гонзо (при уч. Мандельштамовского об-ва), 2014. Т. 1. С. 348, 350.

⁸¹ «Пылает за окном звезда...» вошло в состав нью-йоркского собрания сочинений Мандельштама 1956 г. В примечаниях вашингтонского двухтомного собрания сочинений Мандельштама 1964 г. было указано на ошибку.

Клычкову. Что предшествовало посвящению, описала Н.Я. Мандельштам: Клычков «прочел “там без выгоды уроды режутся в девятый вал” и сказал: “Это про нас с вами, Осип Эмильевич...” В карты ни тот, ни другой не играл – у них был другой “девятый вал и ставки крупнее всякой карточной”»⁸². Особенно их творческая близость проявилась в «прозе поэта» того и другого. Мандельштам «ценил “волчий”, отщепенский цикл Клычкова и часто, окая по-клычковски, читал оттуда кусочки»⁸³. На допросе в 1934 г. Мандельштам вынужден был назвать имена тех, кого он познакомил со своими стихами о Сталине, о голодающем Крыме, среди неназванных был Клычков.

Если между Мандельштамом и Клычковым случались размолвки, то ненадолго⁸⁴. В общении с людьми неблизкими Клычков был замкнут и резок. В общении с близкими – открыт, отзывчив, щедр. Прислуга потеряла продовольственные карточки на месяц, плачет, он ее утешает: карточки не стоят ее слезинки. Или подарил А.М. Кожебаткину только что сшитый костюм. Близких не осуждал. На слова Клюева о «матюгах» Орешина промолвил: «Не Осуди. Не Осуждай»⁸⁵. Восхищался творческими удачами других поэтов. Все, что читал ему П. Васильев, считал гениальным. Очень ценил творчество А. Твардовского; это не покажется странным, если вспомнить строки Твардовского о деревенском мире вроде: «Я помню осиновый хутор / И детство – разбегом коня...» («Матери», <1927>) или из «Страны Муравии» (1934–1936): «Что за помин? / – Помин общий. / – Кто гуляет? / – Кулаки! / Поминаем душ усопших, / Что пошли на Соловки», дальше: «– Их не били, не вязали, / Не пытали пытками, / Их везли, везли возами / С детьми и пожитками»⁸⁶. Был честен с собой, порой рискованно. Знакомый Клычковых, артист Камерного театра, встретил у них Л. Гумилёва⁸⁷, который приехал в Москву

⁸² Мандельштам Н. Собр. соч. Т. 1. С. 349.

⁸³ Там же. С. 350.

⁸⁴ В связи с конфликтом О. Мандельштама и поэта А. Саргиджана (занявший денег у Мандельштама и не отдававший их Саргиджан побил его, досталось и Н.Я. Мандельштам, товарищеский суд под председательством А. Толстого не вынес обидчику порицания) Э. Герштейн вспоминает: «Однажды он лежал на кровати, а рядом сидел Клычков, и в который раз с неотразимым красноречием и пылом Осип Эмильевич описывал ему эту прошлогоднюю историю. Клычков слушал, слушал и спокойно заметил: “Конечно, он был неправ. Надо было сначала деньги отдать, а потом бить”. Осип Эмильевич не сразу понял, о чем говорит Клычков. Настолько небрежная интонация не соответствовала убийственному содержанию реплики. Но через мгновение он вздрогнул и завопил: “Наденька, выгоним его!” Я в этот момент уходила в ларек за папиросами. У двери на лестницу меня обогнал Клычков, высокий, длинноволосый, “лесовик”, – и, побрякывая и усмехаясь, вышел вон. Я скоро вернулась с опаской, рассчитывая встретить бурю негодования. Смотрю: в первой комнате Надя сидит спокойно и рассеянно смотрит куда-то в пространство своим загадочным скромно-лукавым глазом. Заглядываю в комнату к Осипу Эмильевичу, и что же? Он все так же лежит, а на его постели сидит... Клычков, и они обнимаются, целуются. Помирились». Герштейн Э. Мемуары. СПб.: ИНАПРЕСС, 1998. С. 45.

⁸⁵ Яр-Кравченко А.Н. Записи о Н.А. Клюеве. С. 435.

⁸⁶ Твардовский А.Т. Собр. соч.: В 6т. / Предисл. К. Симонова; примеч. Ю. Буртина, Р. Романовой. М.: Худож. литература, 1976–1983. Т. 1. С. 35, 233.

⁸⁷ К характеристике отношений Л. Гумилева и С. Клычкова: «20 января начались студенческие каникулы. Лева приехал в Москву – мрачный-мрачный <...> Ему нужно было заехать перед возвращением домой в Бежецк, к бабушке, у которой он воспитывался до шестнадцати лет. “Ничего не поделаешь – семья”, –

поступить в университет и остановился у Сергея Антоновича в Нащокинском: «“Иметь дело с сыном Гумилёва опасно. Будь от него подальше”». Сергей Антонович, возмущенный низостью, заорал дико: “А твой отец – по́п, по́п, по́п, по́п”»⁸⁸. Он отказался подписать коллективное письмо писателей, в котором было требование смертной казни для подсудимых «вредителей». Он хлопотал за высланного в Нарымский край Клюева, а Клюев писал из ссылки письма на имя Варвары Николаевны.

Он считал, что в его время подвиг, жертва, борьба и невозможны, и бессмыслен, но нужно всем народом молиться об умягчении сердец власть предержащих. В его дневниковых записях повторяется мысль: надо терпеть, потому что все во благо. Он старался увидеть в своем униженном положении маргинала, в происходящем с писателями, со страной неизбежные испытания. Он словно уговаривал себя: если художнику все разрешить, убрать на его пути препятствия, последует конец искусству. Он осмысливал трагедии времени с точки зрения высшей целесообразности. Он считал написанное кровью «До свиданья, друг мой, до свиданья...» (1925) Есенина, обращение к правительству Маяковского очищением, как в древности собственной кровью лечили злокачественную коросту.

Но, отвечая на вопрос анкеты журнала «На литературном посту» (1931. № 20 – 21) «Какой нам нужен писатель?», он написал, что роковым для современного писателя является отсутствие сопротивления современности, что писателю необходимо сохранять для себя запретную зону мыслей и чувств. В нем уже видели настоящую опасность. Не попугайка, а врага. На заседании коммунистов бюро правления РАПП 2 мая 1932 г. А. Фадеев говорил о Клычкове как о реакционном элементе и классовом враге. На сессиях Союза советских писателей Клычков выступал против чисток, и его опять назвали реакционером. 3 апреля 1933 г. на вечере в редакции «Нового мира» о Клычкове и Клюеве говорили как о врагах народа, служивших кулачеству и контрреволюции. Ему не стеснялись об этом напоминать и в бытовых ситуациях⁸⁹.

заклучил он. “А что вы делали всю неделю?” – “Лежал у Клыčkова на диване и курил”»; «В тот первый год знакомства Лева наивно мне признался: “Вот я, который в Бежецке гонял по огородам, теперь сижу у известного поэта, он мне читает свои стихи, а я их критикую, покачивая ногой. И он мне рассказывает, как его ругал Гумилев, когда он пришел к нему со своими первыми стихами”. В свою очередь Лева читал Сергею Антоновичу свои стихи. Клычков мне потом говорил: “Поэта из Левы не выйдет, но профессором он будет”». *Герштейн Э. Мемуары. С. 212.*

⁸⁸ Сергей Клычков: Переписка, сочинения, материалы к биографии. С. 217. Ср.: «Как-то к Клычкову зашел знакомый актер. Услышав Левину фамилию, он так испугался, что стал пятиться. Клычков рассердился и накричал на него, притопывая ногами: “А ты поп! поп!” Этот актер был сыном священника». *Герштейн Э. Мемуары. С. 231.*

⁸⁹ В 1931 г. Ю. Олеша получил неудобную, предназначенную для двух семей квартиру в проезде Художественного театра. Клычков в 1933 г. получил квартиру в Нащокинском переулке. «В ресторане Олеша, сидя за столиком по соседству с Клычковым, громко сказал:

Произведения Клычкова не издавались, у него не было постоянной работы. Он жил переводами. Причем его привлекала исчезающая национальная культура, уходящая в прошлое самобытность народов. Сначала из печати вышла поэма «Мадур Ваза – победитель» (1933, 1936) – выполненная им вольная обработка поэмы М. Плотникова «Янгал-Маа» по мотивам вогульских (мансийских) сказаний. В 1935 г. он перевел киргизскую сказку «Эдыга батыр» и начало «Витязя в тигровой шкуре» Ш. Руставели, в 1936 г. году появилась поэма «Алмамбет и Алтынай» – вольный перевод киргизского эпоса «Манас», в книгу «Сараспан» (1936) были включены переводы марийских народных песен, а также стихи Г. Леонидзе, В. Пшавелы, А. Церетели, Б. Ишемгулова. Но и в переводе «Манаса» увидели идеологическую провокацию, в докладной записке политредактора «Госиздата» Р. Бегак в НКВД говорилось о контрреволюционности текста, о намеках переводчика на Троцкого.

Клычкова арестовали на даче в ночь на 1 августа 1937 г., при фонариках и свечах обыск длился до девяти утра. Его отвезли в Бутырскую тюрьму. Клычкова расстреляли 8 октября. В неосуществленном романе «Хвала милостыне» должны были звучать такие слова: «Повремени, душа, не уходи из тела: мне тяжело ложиться под перед, всего не договоривши до конца», и дальше: «Вот только б дотянуться до нужной точки, по доброму здоровью и удаче свести начала и концы, а там... чего же проще: тулуп из трех тесинок с веселым запахом сосны, под голову побольше свежих стружек да место на погосте, где посуше, чтоб кости все же слышали тепло!»⁹⁰.

Н. Солнцева

– Квартиру у нас получают всякие контрики и кулачье, а Олеше, сыну человеческому, негде голову приклонить.

Клычков встал, подошел к Олеше и смазал его по щеке.

– Вот тебе за публичный донос, – промолвил он и, выдержав краткую паузу, съездил по другой, прибавив:

– А это тебе за кощунство» (Любимов Н. Неувядаемый цвет: Книга воспоминаний // http://bookz.ru/authors/nikolai-lubimov/nekvadae_663...5...).

⁹⁰ Сергей Клычков: Переписка, сочинения, материалы к биографии. С. 200.

